

Владимир Силкин

Ночной дождь

Поэзия XXI века

КНИГА ПЕРЕВОДОВ

Коллектив авторов Ночной дождь

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42354317

Ночной дождь: стихи / Силкин В.А.: Авторское; Белгород; 2017

Аннотация

В книгу лауреата Государственной премии России, заслуженного работника культуры Российской Федерации, секретаря Союза писателей России, председателя Приёмной комиссии Московской городской организации Союза писателей России, Почётного гражданина Рязанской области Владимира Силкина вошли переводы стихотворений с болгарского, черногорского, персидского, китайского, украинского, ингушского, осетинского, калмыцкого, тувинского, хакасского языков, с языка непали.

Содержание

Близость родной земли	5
Поэзия естества	8
Воодушевлённый родиной	11
Гриша Трифонов,	15
А завтра?	15
Стена	17
Архипелаг	19
Берёза	22
Бургас[3]	23
Вечный календарь	25
Воскрешение	28
Гарнизонный вальс	29
Города I	32
Города II	34
Гости	36
Гримёр и смерть	38
Дары осени	40
Дверь	41
Женщина-птица	43
Забытая гроздь	45
Зелёная повесть	47
Изгнание из ада	52
Кабачкий музыкант	55

Кабачок	57
Казанлык	59
Комета Галлея	60
Крест	63
Летопись	66
Литературное чтение	69
Молитва	72
Мужской профиль	74
Надпись на последнем источнике	75
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Владимир Силкин

Ночной дождь.

Книга переводов

Близость родной земли

Поэзия Владимира Силкина произвела на меня впечатление ещё четыре-пять лет тому назад, как поэзия проявления тесной связи современника с родным краем, как поэзия, в которой близость с землёй и с природой является прямой, со всеми своими естественными, тёплыми, оттенками, – тонкой, чувствительной души, общающейся одновременно, с обозримым и бесконечным.

Стихи Владимира Александровича Силкина не являются обычными, одноплановыми, – они носят сложный и глубокий характер, потому что, достаточно полифоничны.

И когда мы их читаем, то у нас складывается ощущение, будто человек сливается с природой, а чувства наши являются неотъемлемой частью мироздания, и, что характерно и неповторимо, делают нас носителями этого восприятия – собственного первородства и своего собственного следа в жизни. И вопреки тому, что тревожное и буреносное, зачистую, сопровождает наши земные путешествия, нечто яркое,

блистательное, ассоциируется с силой наших корней, с их живым присутствием в наши дни, и с их глубиной.

Несомненно, больше, чем в ребёнке, у Владимира Силкина заложена и сформирована эта чувствительность к исконному, без которой, – ни Поэзия, ни Творчество, просто немыслимы и невозможны – для любого настоящего поэта.

Само волнение возвращения в родные края, предчувствие чего-то нового, реально заряжающего дух поэта, при встрече с природой и красотой родимых мест и просторов, вызывают у него Вселенские Откровения и Размышления – о земных и небесных моментах, – и в качестве оценки прохождения времени, и как стремление к идеальной любви, идеальной и возвышенной духовности.

Всё это достигнуто Владимиром Силкиным безо всякого напряжения, неоправданной фанфаричности, что и характеризует силу его таланта, одаривающего и его, и нас прекрасными образцами словесного мастерства сердца.

Как поэт, он обладает чувством красоты земного мира, нормальной для каждого из нас идеализацией, но примеренном на себя, и в рамках самооценки и самовзыскательности.

Именно это и определяет Владимира Силкина, как одного из наиболее крупных современных поэтов России и нашего времени, и придаёт его творчеству общечеловеческий, универсальный характер. Творчество, которое волнует нас сегодня, и о котором ещё не раз будут говорить.

Станислав Пенев, член Союза болгарских писателей, член Славянской литературной и художественной академии, Председатель Ассоциации литературного общества (СЛОВ), создатель, организатор и ведущий Литературного салона – Варна, главный редактор газеты «Литература и Общество» с приложением «Есенинский бульвар», заведующий библиотекой «Литературное общество».

Поэзия естества

Владимир Силкин – поэт, сильно привязанный к Родине, к родному краю.

В его поэтическом голосе звучит постоянная близость творца к самым любимым дорогим местам – местам его детства, отрочества, местам первой близости с миром, местам, где каждый осознает и поймёт себя, прежде чем социально адаптируется и вольётся в общее течение своего времени.

Его поэтические импульсы, связанные с ностальгией по прошлому, обусловлены именно волнением, которое вызывает в нём и сегодня, всяческие воспоминания, каждое, даже мысленное, возвращение. Кроме того, это возвращение к природе, к природе – матери человека и, следовательно, эти импульсы являются не только здоровыми отношениями с ней, но также обусловлены беспокойностью – об утраченном или безвозвратно утерянном.

И основное в лирике Владимира Силкина связано, прежде всего, с родной землёй. Это является и основным взглядом на природу в её самых волнующих чертах. Край родной, в его лирике, принимает различные первообразы, но прежде всего, автор обращается к образам отца и матери, родственников и друзей. С детства поэта связывали и его ранние поэтические импульсы, порывы. Это, – и есть причина, по которой они – свежи и чисты. И эта чистота в лирике Силкина

ощущается во всём его творчестве.

В детстве поэта формировало его мироощущение, творческая его мораль, его восприятие жизни. Именно, через чувство Родины видит он мир, и любит его.

Дорог и незабываем родной дом поэта. Но очень много редких и коротких мгновений, в которых лирическое «Я» вполне удалось вернуть реально, – в него, самого. Возвращение становится, скорее, воображением. Очень большую роль при этом играет память.

Прекрасная природа, которую мы находим в стихах Владимира Силкина, скорее, это только повод для философского переосмысления жизни. Потому что эта лирика имеет полное право на существование. Поэт говорит о бренности и быстротечности человеческой жизни, ибо, слишком коротко время, которое нас отделяет от Создателя, Творца Земли, чтобы наслаждаться вечной красотой природы, которая бессмертна.

Радость в этом тексте смешивается с грустью и болью от недостигнутого, потому что в нашей жизни всегда остаётся нечто, о чём мы мечтали, но так и не успели осуществить. И поэтому лирика В. Силкина драматична, что, несомненно, и придаёт ей глубину. Поэта неизменно тревожит тот факт, что родные места постепенно пустеют, а основная надежда – молодые люди – уезжают в крупные города и мегаполисы.

Гуманизм занимает центральное место в этой лирике. Поэт преклоняется перед человеком, перед его житейскими му-

ками и болью. Его поэтическая молитва взывает к добру, во благо человека, чтобы не было ни войн, ни врагов, и люди стали отзывчивей и человечнее.

Проявляется в этой лирике и чисто любовное чувство...

Неспокойна и тревожна поэзия Владимира Силкина, в ней чувствуется внутреннее напряжение, порождённое несовершенствами жизни.

Но поэт не стремится к усложнённой метафоричности. Его образы естественны, и доступны всем нам. И поэт видит их во всей своей красоте, и, благодаря тонкости восприятия, помогает нам их приоткрыть и обрести. А, стало быть, и сопереживать.

Через свою лирику автор стремится выразить себя самого, отгораживаясь от всякой литературщины и сочинительства, опираясь, лишь, на пережитое и личный опыт. А это означает, что состоявшаяся наша встреча, – это встреча с подлинным поэтом, в творческой основе которого, – ТАЛАНТ!

Никола Иванов, литературный критик, член Союза болгарских писателей, лауреат Национальной литературной премии «Иван Динков», обладатель многих наград в области литературной критики Союза болгарских писателей.

Воодушевлённый родиной

Поэт, прозаик, журналист, переводчик, заслуженный работник культуры России Владимир Силкин родился в 1954 году в г. Ряжске, в одном из красивейших маленьких городков на родине Есенина – в Рязанской области. Здесь он вырос, окончил школу. Именно тогда осуществил первые поэтические опыты. И чем дальше, тем они становились серьёзней. И в один из прекрасных дней строчки поэта появились на страницах районной газеты «Авангард». Они были замечены и рядовыми читателями, и специалистами литературного мира. Это и определило дальнейшую судьбу и литературный путь молодого парня. Однако этот путь отличается от многих других писателей в сугубо литературном творческом плане. Призванный в Вооружённые Силы, молодой человек, имеющий серьёзные поэтические устремления, пройдя срочную военную службу, дальнейшую свою судьбу решает связать с армией. И его жизнь проходит в двух, кажется, несовместимых областях. Армейская служба, строгая походная жизнь и литературно-творческая работа. Нетрудно представить, сколько человеческой энергии, труда, терпения, преданности и верности любимому делу необходимо иметь одновременно, чтобы быть образцовым офицером русской армии, и достойным представителем русской поэзии. Владимиру Силкину это удаётся в полной мере.

Сорок лет из своей 60-летней жизни он посвятил советской и её наследнице – российской армии, пройдя путь от рядового до полковника. За время пребывания на ответственных должностях удостоен многих благодарностей и наград. Он и сейчас является полковником запаса, начальником военно-художественной студии писателей Культурного центра Вооружённых Сил Российской Федерации.

Одновременно Владимир Силкин прошёл путь от молодого поэта до зрелого мастера, занял своё место в русской поэзии. Сегодня он один из самых признанных писателей, кавалер ряда престижных литературных премий, а в 2009-м году Указом Президента России удостоен звания лауреата Государственной премии России.

Для поэта родной Ряжск – один из красивейших и заветных уголков мира, основа государственности, и без него для Владимира Силкина России нет. Не случайно, недавно вышел его новый сборник стихов «Осень в Ряжске», о городе, который является «малой родиной» поэта. Его неповторимая природа, неотделимые от него люди, и просты, и непосредственны.

Спасибо, Ряжск, за дружбу и за встречи,
За то, что ты состариться не смог!
А что ещё, как дружба, душу лечит,
А что ещё спасает от тревог?!

Конечно, ты и старше, и мудрее,

Всегда поймёшь, и добрый дашь совет.
А душу мне неостудимо греет
Твой васильковый, твой небесный свет.

(«Спасибо, Ряжск!»)

Необозримо глубока преданность В. Силкина родным местам, и, безусловно, приятно, что эта любовь взаимна. Библиотека номер два города носит его имя, он удостоился звания почётного гражданина г. Ряжска. Он всегда здесь желанный гость.

Русский читатель знает Силкина, как яркого и самобытного поэта, который на протяжении многих лет неустанно ткёт свои тонкие душевные поэтические полотна. Настоящий мастер, он умело использует и яркие, и печальные цвета.

У писателя фактически не было бесплодных лет, им написано более 35 книг, и он не останавливается на достигнутом, размышляет над жизнью, пишет, в том числе и для детей. Им опубликованы многочисленные статьи, эссе. И это закономерно, ему есть, что сказать людям, поскольку поэт является одним из ведущих авторов России, работающих в такой серьёзной – военной теме.

К этому хочу добавить, что он и автор текстов к более, чем 500 песням, которые украшают репертуар многих певцов, ансамблей и групп.

Глубокие мысли, яркие образы, напевность – вот основные черты поэзии Владимира Силкина. Поэт усвоил лучшие традиции отечественной поэзии 19–20 веков, которые чудес-

но проявляются в его произведениях, посвящённых малой Родине, России, лирических и любовных стихах.

Как редактор этой книги, я с большим удовольствием рекомендую данный сборник армянской читательской аудитории. К тому же эту книгу перевёл один из любимых поэтов и переводчиков современной Армении – Левон Блбулян. Он, на мой взгляд, сумел сохранить творческие особенности и тонкости автора, оставаясь верным его стилю и духу. Читатель воспринимает Россию через яркое и впечатляющее слово, завораживается глубокими поэтическими переживаниями и устремлениями, раздумьями.

Я убеждён, ценителей поэзии ожидает приятная встреча с талантливым и самобытным русским поэтом Владимиром Силкиным, который прежде всего воспевает добро и любовь.

Альберт ОГАНЯН, профессор, секретарь Союза писателей России.

Предисловие к книге «Русский ветер», вышедшей в ереванском издательстве «Астхикгаратун» («Дом литературы») в 2013 году.

Гриша Трифонов, Перевод с болгарского языка

А завтра?

Воскресенье. Харманли¹. Октябрь...
Солнца на деревьях не осталось,
А без солнц багряных я озяб
И на сердце холод и усталость.

Паутинки воздух режут вновь,
И листва по небу не летает,
И Беко² неспешно про любовь
В паутинки песнь свою влетает.

Сотни солнц сгорают на кострах,
И кричат, в безумии немея,
И малюет солнце детвора
На бумажных серых крыльях змея.

¹ Харманли – город в Болгарии, находится в Хасковской области, входит в общину Харманли.

² Жильбер Беко – (27.10.1927 – 18.12.2001), француз, настоящее имя Франсуа Жильбер Сийи. Певец (исполнитель песни «Натали», записанной в Москве), композитор, пианист, актёр.

Крепко паутинтовую нить
Держат руки, сделавшие змея.
Он, как солнце, будет в небе жить,
И упасть на землю не посмеет.

Змей бумажный расплетает сеть
Песни и печальной и красивой.
И Жильбер Беко решает спеть
И сказать единственной: «Спасибо!»

Но уходит навсегда она
В чьи-то взгляды, нежные объятия,
И мелькает женская спина,
Вросшая в сатиновое платье.

Я уверен, завтра дождь пойдёт,
Хриплый ветер постучит в оконца,
И клочки на площадь наметёт
Грязного обветренного солнца.

25 апреля 2010

Стена

Я добрался сюда в полнолуние.
Дождь прошёл, и отмылась стена.
Но, казалось, счастливая, юная,
За стеною бродила луна.

И казалось, дождём потревоженный,
Эхом давним в сырых деревьях,
Чей-то слышался голос восторженный
На стене, сохранившей слова.

Сняв ботинки разбитые старые,
И оставшись с природой на вы,
Различил я под чуткой гитарою
Голосок побледневшей травы.

Я не думал, что так вот окончится
С буйной юностью встреча моя,
Что под камнем от ярости корчится
Поджидавшая встречи змея.

Но она ничего мне не сделала,
Поглядела, сквозь стену ушла.
На лицо её белое-белое
Маска прошлого плотно легла.

Но запомнил глаза её гордые,
Как сияние лунных огней,
Ядовитые зубы, но стёртые
Поцелуями прожитых дней.

Я запомнил ту сцену короткую,
Золотую её чешую,
Как последнюю песню, но кроткую,
И последнюю память мою.

Я прижался к стене неожиданно,
Сердце ребра раздвинуло мне.
И услышал, как нервно дрожит она,
Сколько боли таится в стене.

Я ей что-то шептал, успокаивал,
Убеждал, что моя, мол, вина:
«Вы не знаете даже, какая вы!»
И заплакала горько стена.

Архипелаг

Мне приснилось, я архипелаг,
Спят под пальмами аборигены.
Позабыв о насущных делах,
Получая от солнца рентгены.

А вокруг океан, океан,
Вездесущие рыбы в кораллах...
И подумалось, я же не пьян,
Ведь и ты тут с утра загорала.

Стаи птиц пролетают, шурша
Надо мной золотыми крылами,
И взирает на остров душа,
Над горами паря и полями.

Подо мной, нагоняя волну,
Выбираясь на свет из зелёнки,
Проверяют сейчас глубину
Вездесущие лодки-долблёнки.

Мне приснилось, я архипелаг,
По груди моей ползают крабы.
Все, живущим в других поясах,
Это надо представить хотя бы.

По лицу мои слёзы текут,
Только не превращаются в реки.
А несчастные темзы живут,
Растворяясь в сознание навеки.

В них сейчас пропадает икра,
Умирают семейства форели.
Мне проснуться, пожалуй, пора,
А виденья опять одолели.

Мне приснилось, я архипелаг,
О спасенье зывают атланты.
На руках на моих и ногах
Затонувшие их бриллианты.

Я бужу их, стараюсь поднять,
Показать им дорогу на сушу.
Я готов их, как братьев обнять,
И впустить обогреться их в душу.

Я клянусь, удивится луна,
Что трагедии больше не будет,
И вернутся в свои времена
Из бессонницы новые люди.

Станут Библию, Гимн и Устав
Почитать, не ленясь, неустанно,
И в безверии жить перестав,
Жить под знаменем Родины станут.

Мне приснилось, я архипелаг.
Но такого мне даром не надо.
Я хочу быть всегда при делах,
В объективе любимого взгляда.

Я согласен на малую часть
Той земли, что меня воспитала,
Что дала безграничную власть
Быть собою. А это немало.

Пусть куда-то плывут корабли,
И летят перелётные птицы,
Только вот не уйти от земли,
Где мне выпало счастье родиться.

Ну, куда мне от этих дорог,
От полей, без конца и без края?!
Если дал эту землю мне Бог,
Не нужна никакая другая.

Берёза

Плачет во тьме и плачет,
Видимо, неспроста,
Что ничего не значит
Вечная береста.

Ветер, дожди и солнце,
Белый и чёрный цвет.
Всё, как у смертных, рвётся,
Также бессмертья нет.

Бургас³

Вы бывали на краю земли
И любовь доселе не нашли?!
Вот и я из скользких рук её
Выскользнул, оставив ей бельё.
А она хотела обнимать,
Гладить, возвышать... А понимать?
Понимать не думала она,
И тогда пришла любви хана.
И тогда призналась мне река:
– Буду жить в любви с тобой века.
Только есть условие одно
И не обсуждается оно.
Я пою водою дерева,
И пока дарюю, я жива.
Я катаю женщин на спине,
И они сбегаются ко мне.
Слушают как шустрые коньки
Проживают весело деньки,
Плавают на спинах, не таясь.
– А какая в этой дружбе связь? —
Я спросил. И понял, что сгупил.
Ведь и я за доброту любил.
Видно, так устроено давно:

³ Бургас – город и курорт в Болгарии, на Чёрном море.

Помнишь все, когда идёшь на дно.
А любовь стремится к устьям рек,
Где, как рыба, счастлив человек.

Вечный календарь

Юг, декабрь – почти, что выдумка:
Марширует зимний дождь.
Говорю тебе я: «Выйдем-ка,
Без дождя не проживёшь!»

Говорю тебе я искренне
О немислимых вещах.
Только снег с дождём изысканный,
Полицейские в плащах.

Снег над крышами старается
С лёта в лужи не упасть,
Он не хочет, упирается,
Чтобы сразу не пропасть.

Но, подснежник! Что он делает?!
Он сбивается с пути!
И его рубашка белая
Будет чёрною почти.

И весна придёт безвольная,
Растревя вишнёвый цвет.
И с тобою будет больно нам
От того, что счастья нет.

Лето выдастся погожее,
И три месяца его,
На другие не похожие
Будут все до одного.

Всё на что-нибудь да спишется,
Тишина пришла не зря,
Но за ней дыханье слышится
Трёх листков календаря.

Ты сорвёшь их и расстанешься
С этим летом на века,
Только ты со мной останешься,
Только будешь ты близка.

Август в город входит медленно,
Словно женщина, светла,
Что прошла и не заметила,
Но печалью обдала.

Только осенью случается —
Повторяется как встарь,
На чужой стене качается
Этот вечный календарь.

Говорю тебе я искренне
О немислимых вещах.
Только снег с дождём изысканный,
Полицейские в плащах.

Воскрешение

В белые платья разлук
Бывших подруг одеваю.
Вены тоскующих рук
Неосторожно вскрываю.

Ради безумной любви
Снова и снова страдаю
И на горячей крови,
Что со мной будет, гадаю.

Гарнизонный вальс

Пью с лейтенантами пиво холодное,
Быстро хмелеют они.
Господи, как же напитки народные
Действуют в тёплые дни!

Голуби белые музами кажутся,
Музыка льётся рекой.
И музыкант гарнизонный куражится
Под офицерской рукой.

Незачем ноты ему перелистывать,
Щёки надул, словно мяч,
Кружится в парке мелодия чистая,
Воздух, как порох горяч.

Хрупкую тонкою властной палочкой
Правит полковник сейчас,
И поднимаются, кружатся парочки,
И продолжается вальс.

Пиво своё лейтенанты оставили,
Сразу приходят в себя,
И на танцующих взоры направили,
Кудри свои теребя.

О, гарнизонная музыка светлая!
Жаль, что она коротка.
Эта перчатка дрожащая белая
И на погонах рука!

Звёздочки радостно-радостно светятся,
Кружит танцующих вальс,
Может быть с первой любовью да встретятся
Здесь лейтенанты сейчас.

Полдень звенит и никак не кончается,
Пиво остыло давно.
Вот и земля под ногами качается,
Но не уйдёт всё равно.

И у меня настроенье бедовое,
Вспомнился вальс при свечах.
Кажется, светлые звёздочки новые
И у меня на плечах.

Стройный полковник под грабом пристроился,
Чтоб отдохнуть от жары.
И музыкант озорной успокоился,
Вышел уже из игры.

Пью с лейтенантами пиво холодное,
Но исчезают они.
Господи, как эти вальсы народные
Действуют в тёплые дни!

Города I

Города живут без нас бесшумно,
Мостовая корчится без нас.
А ведь мы ходили с видом умным,
Ослепляя встречных светом глаз!

Здесь звучали вальсы и фокстроты,
Сердце воспаляя вновь и вновь,
И почти случайно, но кого-то
Находила первая любовь.

Может, этой ночью вам не спится,
А другим не спится никогда,
Тихие прекрасные столицы,
Маленькие наши города.

Женщины, застыли возле окон,
Смуглые и проседь в волосах.
Сколько же и музыки, и сока
В их, уже охрипших голосах!

Сколько ждут, а мы всё не приходим
И не посылаем им вестей,
Некрологи в рамочках находим
В сводках ежедневных новостей.

Нас, друзья, почти и не осталось.
Дремлет голубь в полдень у трубы.
В кулачок опять незримо сжалось
Сердце в предвкушении борьбы.

Ветер флаги свежие полощет,
В городах, где нет сегодня нас.
И пересекают эту площадь
Голоса, воскресшие сейчас.

Города II

Города, в которых мы живём,
Самыми любимыми зовём.
Высыхают вены и стаканы,
Тонет плот, они лишь постоянны.
Исчезают вечные пути,
Им одним лишь с места не сойти.
Площади и песни умирают,
Травы у дороги цвет теряют.
Но живут родные города,
Нас не забывая никогда.
Женщины уставшие стареют,
Их слова красивые не греют.
Выцветают синие глаза,
И звучат надрывно голоса.
Нас они встречают из гостей
В ожиданье добрых новостей.
Мы тепло и долго мы машем им,
Женщинам, заждавшимся своим.
Города, в которых мы живём,
Посетить приятелей зовём.
Сами же садимся в поезда,
Уезжаем в них, бог весть куда.
Шепчут пристань, солнце, облака:
– Возвращайся! Жизнь так коротка!
И опять спешим издалека.

Жизнь она и, правда, коротка.
Голуби уходят в небеса,
Различая наши голоса.
Поднимают наше детство ввысь
Города, в которых родились.

Гости

Вот и разъехались гости,
В доме сплошной кавардак,
Крошки в тарелках и кости —
Ужин бездомных собак.

Вынесу мусор, отмою
В комнате всё добела.
Будет, как лютой зимою,
Комната эта светла.

За деревянной оградой
Царствуют лишь муравьи,
Им, трудоголикам, в радость
Хлебные крошки мои.

Смокла, запнувшись, пластинка,
Только скулит патефон,
А на ветвях паутинки
Свесились с разных сторон.

Осень уже на пороге,
Скоро прольются дожди.
Только сейчас на дороге
Пусто, гляди не гляди.

Смолкли застольные страсти

И никаких новостей...

Только в тоске на террасе

Не проглядеть бы гостей.

Гримёр и смерть

Она идёт в любое время дня,
Вперяя взгляд свой пристальный в меня.
Идёт с реки, садится в уголке,
Оружие зажав в сухой руке.
И у неё надёжные крючки,
И почему-то жёлтые зрачки
Откидывает чёрный капюшон,
И обнажает смертный облик он.
Но многого не требует она:
Хотя б чуть-чуть приятней быть должна.
И хочет, чтоб глаза я подчеркнул,
Смягчил черты её высоких скул.
И надо ей сегодня очень, чтоб
Я крем ночной втирал в покатый лоб.
Чтоб этот крем втирал я ей до боли
В ладони, где красуются мозоли.
Не каждому понравиться должна,
Но ведь с людьми встречается она.
А, значит, маникюр необходим,
И я тружусь без устали над ним.
И бледность на лице свожу на нет.
И так уже не помню сколько лет.
Без страха перед нею я стою
И за работу радуюсь свою.
Она встаёт, опять уходит в ночь,

Но вновь придёт, попросит ей помочь.
И просьбам этим не видать конца,
Как не видеть ни бёдер, ни лица.
Как не видать её костлявых плеч.
Прощай же, смерть, прощай, до новых встреч!

Дары осени

Октябрь. Харманли⁴. Воскресение.
Погода, конечно, осенняя.
Бездонные льются дожди,
Туман отовсюду глядит.
Янтарные пальцы в кулак
Сжать осень не может никак.
Но даже и в сумрачный час
Связать смерть старается нас.
А жизнь разделяет, любя,
И вновь отбирает тебя.
Ведь в сети ушедшего века
Ловила она человека.
Но осень нас не покидает,
И, видимо, очень страдает,
Пытаясь уйти до поры,
Оставив на память дары.
И я не грущу, даже рад
Фиалковый есть виноград.

⁴ Харманли – город в Болгарии.

Дверь

Мои слова – ничьи слова,
В них что-то слышится смешное,
Была любовь, была жива,
Но надсмеялась надо мною.

Слова вошли в чужую дверь,
Они протягивают руки
Туда, где злобная, как зверь,
Забилась в угол тень разлуки.

Но дверь – четвёртая стена,
Она уже ничейной стала,
И потому грустна она,
Что много в жизни испытала.

На ней ни окон, ни цветов,
Часов настенных и комода.
И на узорочье ковров
Прошла уже сегодня мода.

Прожекторов нет и кулис,
Нет микрофона и декора,
Лишь люстра смотрит сверху вниз,
И та упасть готова скоро.

Давно не смазаны замки
И много лет на этой ржави
Живут в согласье пауки
И выживают на отраве.

Откройте дверь! Закройте дверь!
Вам это ничего не стоит.
У вас же не было потерь,
Для вас: «Любимая!» – пустое.

Тащите кресло, зеркала,
Вот этот бюст, фотообои.
Ах, сколько эта дверь ждала,
Рыдала сколько над собою?!

Но успокоится стена,
Привыкнув через миг к доверью,
Когда-то бывшая она
В забытом доме скорбной дверью.

Не будет петлями скрипеть,
Наутро юною проснётся,
И снова песни будет петь
Тому, кто в комнату вернётся.

Женщина-птица

Не прикасайтесь к ней руками.
Не троньте птицу за плечо,
Она летит в траву, как камень,
И тяжело, и горячо.

А листья жёлтые намокли,
На стенах тесно от афиш,
И в театральные бинокли
На птицу смотрят люди с крыш.

Но это осень, а не птица,
И мне слышны её шумы.
Пора бы нам остановиться,
Но радость выражаем мы.

Она лежит в траве, как камень,
Не разобрать на камне слов.
Не троньте женщину руками
И не зовите докторов.

Ей больно, больно, очень больно...
Какая женщина была?!
Ну, хватит, милые, довольно,
Она же кровью истекла!

Да мало ль с кем была в постели,
Да мало ли за кем пошла!
Без синяков на белом теле
Прожить хотела, не смогла.

А, может, это, правда, птица?
Встаёт, о землю бьёт крылом,
И камень на куски дробится,
А птица тает за углом.

Она не станет крепостною,
Уйдёт дорогами зимы,
Её за этою стеною
И не увидим больше мы.

Но снова камень, осень, птица
В багряных листьях, как в крови.
Летите все, кому летится,
И глаз не прячьте от любви.

Забытая гроздь

— А для кого, — спросите, —
Соком томлюсь, стораю
В короткие дни осени?
Я и сама не знаю!

Вон виноградарь молча
Мимо прошёл задумчиво.
Нет уже больше мочи
Руки себе выкручивать.

Боязно мне и холодно,
Дети и те — домой.
Будет кому-то голодно
И без меня зимой.

Ладно, что неприметная,
Но вобрала тепло.
Я же почти бессмертная,
Всем холодам назло.

Всем им, не замечающим,
Жажущим песню спеть.
Сколько же мне кричать ещё,
Сколько на них смотреть?!

Что ж мне, до смерти, что ли
Век одинокой жить,
В пёстрой листве от боли
Слёзы на землю лить?!

Что-то тут бесчеловечное,
Похожее на искус,
Быть и лозою вечною,
Вечною, как Иисус.

Небо спустилось птицами
В этот промозглый сад.
Плачется, не летится им —
Грозди ещё висят.

Зелёная повесть

I

Жизнь оказалась лицемерной!

А, может быть, такой была?

И не спала она, наверно.

Пожалуй, точно, не спала.

Я зелен был, был мне неведом

Стон звёзд мерцающих во мгле,

Стон ночи, дерева, их беды,

Стон скорбных песен на земле.

Душа была зелёной, лето,

Да все таким казалось мне.

И начиналась повесть эта

В зелёной сказочной стране.

Ii

Но дни текли и в диком поле

Пожухла от жары трава.

И накопилось столько боли

Во мне, что выжил я едва.

Я шёл, душой охладевая,

Куда я шёл, ещё не знал.

Себе отчёта не давая,
Смысл на бессмысленность менял.

Ііі

Травою поле зарастало,
Не отмирая от корней.
Я находил себя и стало
Мне говорить непросто с ней.

Трава росла всё глубже, глубже,
Словами сердце леденя,
Она встречала чьи-то души,
Глаза ушедших от меня.

Тяжёлым соком истекая,
Трава пока ещё жила.
Но у меня душа другая,
Хоть и зелёная была.

Іv

Я забытый, словно гвозди
В плоти древнего креста.
Чьи-то кости на погосте
И не видно ни черта.

Одинок, как этот воздух,
Солнце красное зову.

С неба сбрасывают звёзды,
Как сгоревшую траву.

Солнца нет, на сердце серо,
Но вблизи шумит трава.
И какой измерить мерой
Поминальные слова?

Пролетают дни и ночи,
Память сердца вороша.
Жизнь ломает позвоночник,
Холодна моя душа.

V
Я уже и сам не знаю,
Жив ли я и что со мной,
Или поле вспоминает
О прошедшем за спиной?

Но ведь это было, было,
Было, будто бы вчера:
Жизнь меня с размаху била
И бросала в клевера.

И как пыльная лавина,
Перейдя мою судьбу,
В сети прочные ловила,
На своём несла горбу.

Неужели нет дороги,
Нет уже пути назад,
Если кровоточат ноги
И глядят во тьму глаза?

Я библейские страницы
До единой бы порвал,
Если б в юность возвратиться
Мне Господь возможность дал.

Vi

Возрата нет. Я заблудился в поле,
И тень моя свернула в зелена.
И ни души... Орёл, червяк... На воле
Следы мои пасутся без меня.

Ещё живу, а времени не стало,
Чтобы запеть и голос свой падать.
Но я спою, пора уже настала,
Пора уже хоть тут не опоздать.

«Душа моя зелёная и лето!
Храни вас Бог от бед и неудач!
Пока ещё поёт перо поэта,
То он ещё и радостен, и зряч».

Vii

И жизнь свою изящно выгнет шею,
С такой любовью глянет на меня!
И вальс забытый мы станцуем с нею,
Пока ещё не на закате дня.

А дальше будет много-много сказок,
Покинут боли, подлости и грусть,
Пока не надорву гортанных связок
И в небеса орлом не вознесусь.

Изгнание из ада

И мне сказали: «Уходи!
Тебе сюда пока не надо,
Ступай себе и часа жди!»
И затворили двери ада.

И я пустыню пересёк,
Хромое солнце утром встретил.
Я понял, срок мой не истёк,
Что поживу ещё на свете.

Со мной не будет ничего,
Пока живу, пока страдаю,
Пока не встречу я Его,
Пока Его не повидаю.

И тут мне кто-то говорит:
«Ты потому, наверно, грешен,
Что плакал или делал вид,
И слёзы лил, а был успешен.

А слёзы превращались в соль,
Их ветер гнал всё дальше в поле.
И доставляли слёзы боль
Тем, кто не видел этой соли.

Безвкусным хлеб был у детей,
Безвкусною у взрослых рыба.
Щепотка щедрости твоей
Была как каменная глыба.

Всю жизнь проплакать не дано,
Воды в глазах не так уж много,
Ты семь потов пролей мне, но
Соль собери и дай в дорогу!

Вон, видишь, юноша идёт,
А он идёт с твоею кровью,
Дай соль ему, он счастья ждёт,
И он расплатится любовью!»

Я встал, узнав себя в себе,
И улыбнулся солнцу: «Ясно!
Доверюсь Богу и судьбе,
Жизнь коротка, но так прекрасна!»

Но Он сказал мне, плакал ты,
А, значит, соль дарил кому-то.
А, значит, женщина мечты
Без соли не вставала утром.

Был хлеб солёный у неё,
Солёной подавалась рыба,
За бескорыстие твоё
Шептала: «Господи! Спасибо!»

Ты, человек, люби её,
Даруйте вместе жизнь другому!
Шагай себе через жнивье,
Мир полю твоему и дому!

Кабацкий музыкант

Пламену Ставреву

Был я молод и сентиментален,
Не скрывал наворачнувшихся слёз,
И слова золотые слетали
В душу мне с чёрно-белых берёз.

Я вдруг понял, стихи – это правда,
Если в них непутёвая жизнь,
Но жужжали и слева, и справа,
О своём проповедники лжи.

Стиснул зубы и больше ни слова
Не промолвил две тысячи лет.
Умер плач мой, но смех свой суровый
Посылал я, как пули, в ответ.

Я не прав был, что рвал свои тексты,
Сердце часто кричало: «Не рви!»
В кабаке, где пьянели невесты,
Под гитару запел о любви.

Неиспорченный, в белом костюме
Я входил в этот самый кабак,
Песни пел, но тяжёлые думы

Не хотели оставить никак.

Ах, какие там женщины были,
И, надеясь на лёгкий успех,
Как любили они, как любили!
Но любили, наверно, не тех!

Средь веселья рыдала гитара,
И хмелела от выпивших пар,
И тогда я просил кочегара,
Чтобы в топке поддерживал пар.

Он исправно топил, чтобы в зале,
Разогретые крепко спиртным,
Словно бабочки, вальс танцевали
Незамужние женщины с ним.

А я пел о любви на потребу,
Над собою смеялся до слёз,
И молился далёкому небу,
И прощенье просил у берёз.

Кабачок

Вот тут-то вино и запело!
Хрипело, глотало слезу.
Красивое женское тело
Метало не искры, грозу.

Куда-то оно уводило —
На запад, а после на юг,
Дороги, мосты наводило,
Холмы обходило вокруг.

Река в меня бурно входила,
И ноги как рыбы, в песок.
Вода же круги разводила,
Делила и луг, и лесок.

И радуга в небе стояла,
Спустившись до самой травы.
И так она людям сияла
И с речкой общалась на вы!

А речка опять убегала
От этой земной кутерьмы,
На взгорье себя сберегала,
И там умывала холмы.

А листья, что с грабов опали,
Вздымали свои плавники,
Мосты разводные вставали
На бурном теченье реки...

Но вот за кормой свои крылья
Развесил полуночный мрак.
Вино остывает, бессилье
Уйти не желает никак.

В стаканах вино умолкает,
И песни уже не слышны.
Последняя капля стекает,
Сверкая осколком луны.

Приходит, как божий посланник,
Исчезнувший официант:
– Ах вы, очарованный странник,
На сон у вас мощный талант!

Плачу ей за шутку по счёту
И тычусь, как мальчик, в плечо!
И в губы целую кого-то,
И что-то шепчу горячо.

Казанлык

Август. Полдень. Болгария.
Розы так и кипят.
Раны рваные старые
Разболелись опять.

Что-то холодно-голодно
И ни капли тепла.
Ты из этого города
Торопливо ушла.

Я и к этой поспешности
Незаметно привык.
В моей грусти и нежности
Утонул Казанлык.

Комета Галлея

Ни о чём на свете не жалею,
Если от Земли за пару вёрст
Мчит во мгле безумная Галлея,
Глаз небесный и сестра всех звёзд!

Как же мы светлы и вдохновенны!
Как горят огнём её глаза!
Друг на друга смотрим откровенно,
И уйти от этого нельзя.

И стоим под небом, славословим:
– Вот такой и нам бы в души свет!
Может, мы единые по крови,
Просто не видались много лет?

Тот, кто светел, тот и не заметен,
Больно оступается в пути.
Но комета каждому посветит
И своей дорогой улетит.

Будем жить и в кровь сбивать колени
И по новой шишки набивать.
Жаль, и людям новых поколений
Без войны на свете не бывать!

Улетает в облака из серы,
В облака из сказочного льда,
Гордая, горячая без меры,
И не возвратится никогда.

Пусть потом судачат астрономы,
Сколько там борозд в её ядре,
Как же ей без нас живётся дома,
Как одной ей спится на заре?

Не вернётся, а могла бы славу
И бессмертье с нами обрести.
Может, астрономы и не правы
В том, что сбилась с нужного пути.

Да, у нас всегда тепло и чисто,
Не в пример блуждающим во мгле.
Лишь она, безумна, и лучиста,
Жить могла бы с нами на Земле.

У кометы обгорели руки,
Волосы на лбу опалены.
Как переживёт она разлуку,
Как не побоится тишины!

Что ей наши улицы и скверы
С именем её? Ей всё равно.
Но комета не живёт без веры,
Без неё пропала бы давно.

Видно, у неё своя дорога,
И своя счастливая звезда,
И она за пазухой у Бога
В небесах не сгинет никогда.

Сбережёт и не допустит краха,
Дальше свет в ладонях понесёт.
И слепой какой-нибудь от страха
Вдруг прозреет, встанет и пойдёт.

И комета с массой многотонной
Станет хоть кому-нибудь судьбой.
И заплачет, как перед иконой,
Счастьем переполненный слепой.

Крест

Дожил до возраста Христа.
Мой крест и светлый, и зелёный.
А кто-то вновь сошёл с креста
И улыбается влюблённым.

А на кресте скопление гнёзд,
Благодарящих небо пташек,
И облепивших на ночь звёзд,
Во тьме дрожащих без рубашек.

К нему лесник не приходил,
Чтоб, как и дерево, отметить.
Никто креста не повредил,
А, значит, некому ответить...

Я так привык к своей жене,
К её молчанию глухому,
Что иногда казалось мне,
Что это смерть идёт по дому.

Почти безвольная, она,
В себе всё чаще замыкалась.
А я не понял, что жена
От прошлой жизни отрекалась.

Но осознал однажды я,
Из крепости моей сбегая,
Выходит не жена моя,
А женщина совсем другая.

Так стало в комнате светло!
И всё, что в ней плохого было,
Её лицо в тот миг сожгло,
Весь мрак прошедший ослепило.

А я стою и невдомёк,
Что я прощён её губами.
Что я уже насквозь промок
Её солёными слезами...

Я вышиб дверь, побрёл к кресту,
И до того мне было дико,
Что вкусно пахнет за версту
И пламенеет земляника.

Тропинкой белою бреду,
А почему? И сам не знаю!
Свою последнюю беду
Из сердца с болью выгоняю.

Я убираю крест в лесу,
Не разоряя птичьи гнёзда.
И на деревья их несусь,
Пока сберечь ещё не поздно.

Всхожу на холм, весь день точу
Топор последний на природе.
– Эй, где вы, плотники? – кричу.
И вот они уже приходят.

Вот подойдут, и я пойму,
Куда ведёт дорожка эта.
И впрямь не нужен никому
Ещё при жизни крест поэта.

Летопись

Уже давно всё было это...
Дорога, а за ней село...
Жил летописец там в то лето,
И нам, мальчишкам, повезло.

Он говорил витиевато
И нас записывал в друзья.
Но мы тогда не знали платы
За то, что можно и нельзя.

И в кровь истоптанные ноги
К реке тащили каждый раз.
И по какой идти дороге
Тогда отцы учили нас.

А он – про душу человека
И про высокие дела.
Казалось, боль и радость века
Через судьбу его прошла:

«За правду многое простится,
Ты ото лжи всегда беги.
Вся жизнь в глазах не уместится,
А, значит, душу береги!»

Он говорил неоднократно
Мол, жизнь, как яблоня в саду,
Сломал и не поднять обратно.
Учил, как будто на беду.

Его жена, темна, как камень,
Полола, он скрипел пером.
Жена боролась с сорняками,
А мы с любовью и добром.

Ломали яблони ребята.
Настала очередь и мне.
Пришёл, сломал и воровато
Исчез в полночной тишине.

И у него не стало сада,
И сразу, будто жизнь прошла.
И как-то в пору листопада
С женой он вышел из села.

В осенний дождь: она вся в белом,
А он, ссутулившись слегка,
Прочь уносил сухое тело
От тех, кто предал старика.

Мы не пошли за ними следом,
Нам это было всё равно,
За нашу подлость, как победу,
Мы пили чёрное вино...

Мои друзья, одни поэты,
Другие трудятся в саду.
И я пишу кому-то: «В ЛЕТО...»
Уже в двухтысячном году.

Литературное чтение

Глоотающий шпагу – не рыцарь,
Зубрящий стихи – не поэт.
В пуху у них пухлые рыльца
И, сердца, наверное, нет.

Такие надменны, и лживы,
Расскажут любой анекдот.
И в них от рождения живы
Пороки, что вывел народ.

Ведут в кабаки малолеток,
Забыв и призванье, и честь,
И бьют своих собственных деток
За то, что они уже есть.

Поэты блуждают по звёздам,
Кометам поэты сродни,
И солнце, и небо, и воздух
У них от рожденья одни.

Не верят, что время промчится,
Транжируют на вечность его,
И нет его, чтобы лечиться,
Чтоб не огорчить никого.

Поэт молчалив и прозрачен,
Ему и поесть не досуг.
Он верит в звезду и удачу,
По золоту ходит в лесу.

И он совершает промашки,
И он не живёт, не греша.
И он замерзает в рубашке,
И в нём холодеет душа.

Пытается водкой согреться,
Ладони озябшие трёт,
И знает, готовится сердце
Уже в невозвратный полёт.

Но в музыку верит, и в слово,
И любит пока ещё сны.
Но он не поднимется снова,
Не скажет, что слышать должны.

И жаль, что никто не услышит,
О нём никогда, ничего.
Пусть кто-то читает, он пишет,
И в этом призванье его.

Вот так и живут все поэты:
Кто Богом, кто чёртом храним...
И всё же, кончается лето
И осень приходит за ним.

Молитва

Пусть будут в торбе хлеб и соль всегда,
Пусть будет свет ему в конце тоннеля.
Ещё пусть будет чистою вода,
Чтоб раны сам он мог омыть на теле.

Пусть будет блеск в глазах, а не гроза,
Сухим всегда лежит табак в кисете,
И пусть глядят усталые глаза
На все четыре стороны на свете.

Спасибо, путник, что в дороге есть.
Ты не святой и это – слава Богу.
Ни у кого не просишь пить и есть
И без друзей пускаешься в дорогу.

Святой сейчас прилѐг на грудь жене,
Храпит давно в пижаме полосатой,
И пахнет луком, и грозит во сне
Кому-нибудь совковою лопатой.

И ты – не мы, какой-то ты другой,
Молчишь как рыба, знаешь жизни цену.
Пусть хлеб не вздрогнет под твоей ногой.
И целый век не знать тебе измену.

Ты даже с болью будешь рвать сорняк,
В своей душе испытывая муку,
Но не простишь того, кто просто так
Поднять посмеет на ребёнка руку.

Ты не сорвёшь красивого цветка,
Хотя вполне имеешь это право.
Жил, как пчела, и никогда рука
Не подавала ближнему отравы.

Любил всем сердцем, но не обнимал
Жену чужую около ограды.
Ты в жизни всё, как надо, понимал,
И никогда не делал, что не надо.

Застынет ночь, безмолвная от звёзд,
И небо скинет в поле одеяло.
Пусть будут в жизни сотни долгих вёрст,
Но чтоб земля вот на таких стояла.

Дай Бог тебе и света, и тепла,
Живи и радуй встречного, как брата.
И за любовь, и за твои дела
Придёт с небес когда-нибудь расплата.

Мужской профиль

Последнюю искру любви
Зальёт зимний дождь синеватый,
И после, зови, не зови,
Она не предстанет крылатой.

В глубоких и тёмных лесах,
Как хижина, скрыта от снега,
Застынет в безумных глазах
Любовь, укрываясь от эха.

Сорвётся и ветер с цепи
И пепел любви разбросает,
И сердцу прикажет: «Терпи!»,
Но сердце уже не отгадет.

Холодным, но чистым оно,
Лишится привычек и власти.
Не зная, как падать на дно,
И как рассыпаться на части.

Надпись на последнем источнике

Как хлеб, пробейся к свету в темноте,
Как снег последний доставайся небу.
И поклоняйся только красоте,
И ничего не делай на потребу.
Храни себя и сердце закаляй,
Дари тепло озябшему в дороге,
Всегда зерно от плевел отделяй,
В конце дороги подводя итоги.

Крепчай, как в бочке, хорошее вино,
Вбирай в себя огонь и краски лета,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.